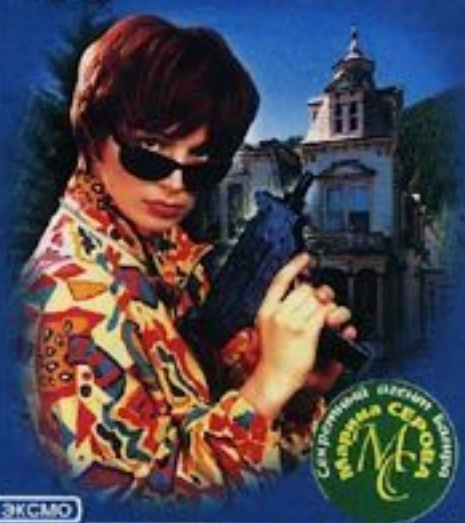

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

Крутая мисс

ЭКМО

Секретный агент Багира

Марина Серова

Гормон счастья

«Научная книга»

Серова М. С.

Гормон счастья / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Гормон счастья

Пролог

– Ну что, говорят, что приезжает этот... хозяин.

– Который?

– Ну, Лозовский. Роман Альбертович. Который не только олигарх, но и губернатор. Начальник тундры.

– М-м-м... тундры. Да там не только тундра, но еще и нефть, и газ, и золото, и алмазы.

– Вот то-то и оно – алмазы. Босс мрачный ходит. Думает, что неспроста все это. Он же договорился с иностранцами, из ЮАР, что многим может не понравиться. Вот такие дела.

Этот диалог происходил на застекленной тонированным бронестеклом террасе просторной загородной виллы, принадлежавшей Александру Емельяновичу Войнаровскому, генеральному директору ПО «Диамант-ДВ». Проще говоря, главе второго по значению в России производителя бриллиантов, завода – огранщика алмазов, в советское время носившего стандартное наименование «Кристалл», а ныне получившего звучное иностранное имя, в котором за латинской аббревиатурой ДВ скрывались инициалы партнера – знаменитой южноафриканской алмазной монополии «Де Бирс».

Александр Емельянович, совершенно по заслугам и удельному весу в экономике Тарасовской области, считался одной из наиболее значимых фигур в районе. Быть может, второй – после губернатора. А если подумать, то и первой – до губернатора. Версии были разные, но деловая, финансовая и промышленная элита губернии и страны в целом сходились в мнении, что именно Александр Емельянович представляет наиболее реальную альтернативу губернатору области на грядущих выборах и располагает значительными экономическими рычагами для привлечения иностранных инвестиций, необходимых сейчас как воздух.

Те, кто вел разговор на террасе, были сотрудниками службы безопасности гендиректора «Диаманта». Войнаровский выехал из своей квартиры в Тарасове на виллу, и эти двое, постоянно находившиеся в летний сезон в загородной резиденции Александра Емельяновича, пребывали, как говорится, в режиме постоянной боевой готовности: на столе перед ними не только стояли чашки с кофе, но и красовались пистолет-пулемет «узи», а также «АКМ-У» и «ТТ» плюс три обоймы ко всем перечисленным видам оружия. Полный боевой арсенал.

– Толстопуз звонил сегодня Емельянычу. Я краем уха слышал, как он с ним разговаривал.

– Какой толстопуз?

– Как какой? Губернатор наш драгоценный, естественно.

– И что?

– Да вроде как скоро будет встреча с Лозовским. Толстопуз, Емельяныч и Лозовский будут инвестиции обсуждать.

– Поня-а-атно. А Емельяныч-то наш, кажется, с телками наехал. Пацаны вроде отгрузили парочку дамочек.

– Не знаю, брехать не буду. Вообще-то Емельяныч у нас примерного поведения. Типа жена, дети. Он же тебе не Леша Курбатый, у которого ты три года назад терся.

– А, вспомнил... Леша-то уж года полтора как греется.

– Где, на шконке?

– Что?

– В тюрьме, я спрашиваю?

– Нет, не в тюрьме. На сковороде в аду. Его ж взорвали месяца три назад вместе с офисом.

– Да? Ну ладно. А, кстати, Вася... Монтера-то вызвали? У нас же фонарь на входе полетел, и распределительный щиток надо посмотреть. Да еще прожектор сдох. Все сразу, как снег на голову. Босс сегодня ругался, он машину поцарапал. Сказал, что уволит всех к чертовой матери, если не исправим.

Вася, толстогубый здоровяк с массивным загривком борца-тяжеловеса и смехотворно маленькими ушами, покосился на своего напарника и буркнул:

– Сам бы пошел да починил. Тут все-таки секретный объект.

– Секретный объект, секретный объект... – передразнил его тот. – Это дача-то – секретный объект? Никак от своего гэбэшного базара отойти не можешь? Так вызвал ты монтера или нет?

– Вызвал. Успокойся.

В этот момент в дверь позвонили. Василий поморщился и, подойдя к массивной металлической двери, глянул в видеоискатель камеры наружного наблюдения, потом перевел взгляд на монитор, на котором виднелся фрагмент ограды, окружавшей виллу.

– Василь, открывай! – послышался из усилителя веселый голос. – Я тут спеца привел!

– Какого еще спеца?

– Инженера человеческих душ, е-мое! – хохотнули за дверью. – Ну как какого... освещение чинить. Ведь, кажется, босс сказал тебе, что уволит... сам понимаешь, в каком направлении.

Вася щелкнул замком и толкнул дверь. Та бесшумно раскрылась, и в проеме возникли две фигуры. Одна – огромная, от которой и исходило непрерывное хихиканье, фыркание и смешки. Водитель босса, кажется, уже «закинулся» своим любимым кокаином, рассчитывая на то, что хозяин явно не собирался никуда выезжать до утра. Вторая фигура была поменьше, аккуратная, подтянутая.

Здоровяк толкнул второго внутрь террасы и сказал:

– Получайте в полное ваше распоряжение. А я пошел. У меня там сто баксов на кону стоит.

– Знал бы Алексан Емельяныч, что его шофер коксом балуется, в два счета бы уволил! – выговорил ему второй охранник, которого звали Николаем.

Василий посмотрел на «спеца» и подозрительно спросил:

– А почему Семенов не приехал?

– Что? – недоуменно переспросил тот и глянул на охранника из-под козырька черной «рибоковской» кепки сощуренными темными глазами. – А, Семенов? Так у него жена рожает. Не слышали?

– Слыхали... – откликнулся Николай и продолжил недовольно: – А что это от тебя, братец, водярой несет? У вас, у монтеров, принято так, что ли, – пить перед выполнением работы?

«Спец» буркнул что-то нечленораздельное.

– Да она ж вроде на пятом месяце, – сказал Вася, с некоторым опозданием отреагировав на фразу о жене монтера Семенова. Но Николай рассмеялся, допил свой кофе и проговорил:

– А у нее модернизация, как у компьютеров. Она сменила медленную беременность на быструю. И графическую память нарастила, чтоб было что мужу показать.

Василий не разбирался в компьютерах, поэтому прослушал сомнительную шутку напарника с совершенно невозмутимым видом и сказал:

– Ну, если не Семенов, так мы тебя просветим. Мало ли что... Ну-ка, Коля, перекинь сюда металлоискатель.

– Да вы че, мужики? – недоуменно произнес монтер, прикрывая рот, чтобы его снова не обвинили в пристрастии к алкоголю. – Давно не слушали, как ваш металлоискатель пищит. У меня ж тут инструменты и все такое...

– Ничего, – сказал Василий, бесцеремонно разворачивая специалиста к себе спиной и толкая к стене. – Не парься, хлопец, не в бане. Расчет получишь хороший, так что не болтай и делай, что говорят. Ну-ка, посмотрим, что тут у нас за баклан...

Он обыскал «баклана» по полной программе. Сначала выпотрошил чемоданчик с набором инструментов, потом проверил «спеца», заставив его даже снять ремень с железной пряжкой. В общем действовал по тупому, но безошибочному алгоритму: на каждом допускаемом внутрь виллы Александра Емельяновича Войнаровского не должно быть металла вообще. Монтер не сопротивлялся, но, кажется, был немного озадачен.

– Все чисто, – сказал Василий наконец.

– Да конечно, чисто, – ухмыльнулся Николай. – Что он тебе, чеченский террорист, что ли?

– Не знаю, кто он там такой, но я его в первый раз вижу. Чеченского террориста я бы обыскивал не очень тщательно, потому что и так знал бы, что можно от него ожидать.

Неуклюжая претензия Василия на юмор вызвала на лице монтера кривую усмешку, но он никак не отреагировал на шутку охранника, тяжелую, будто железобетонный блок, и просто спросил:

– Где тут распределительный щиток? Я смотрю, у вас серьезно с электричеством, целая система стоит, и...

– Не беги впереди паровоза, – перебил его Василий, беря со стола «узи», – сейчас вместе к нему пойдем. Тебя как зовут-то хоть, а, хлопец?

– А как хочешь, так и зови, – с легкой обидой в голосе отозвался монтер. – Ты уже и так меня как только не титулуешь: и «баклан», и «хлопец», и принадлежность к чеченским террористам шьешь.

Вася недоуменно взглянул на него и пожал широченными плечами:

– Ну ты, я вижу, любишь в баньке помыться... Говорил же тебе – не парься! Не послушал... Как хочешь называть, говоришь? Буду тогда кликать тебя Кузьмой, если такой обидчивый.

– А хозяин-то у вас где? – спросил новоиспеченный Кузьма, собирая инструменты.

Василий медленно повернул голову и тяжело посмотрел на него подозрительно поблескивающими маленькими глазками, облизнул толстые губы и спросил:

– А тебе-то что?

– Да так. У меня брат на его заводе работает. Я ему сегодня сказал, к кому еду на дачу. Не поверил.

– И пусть не верит, – сказал Вася. – Ладно, хватит болтать, Кузьма. Идем уже.

Они прошли в дом, спустились в просторный полуподвал, где находились распределительный электрощиток, головной узел сигнализации и пульт управления механизмами, расположенными в подземном гараже на пять машин. Первым шел монтер, вторым – подозрительный охранник Василий.

Монтер открыл щиток, окинул его коротким взглядом и проговорил:

– Ничего не понимаю... Я, Вася, в школе плохо учился. Ты знаешь закон Ома?

– Закон Ома? – недоуменно переспросил Василий. – Ты что такое несешь?

– Я? Несу? – откликнулся как-то по-особенному монтер и продолжил еще более странно: – Несет Красная Шапочка. Могу даже подсказать, что именно. Пирожки больной бабушке.

После его слов по лицу Василия волнами и вертикальными морщинами, трансформирующимися в горизонтальные, тяжело, как асфальтоукладочный каток, прокатилось недоумение. Нет, Василий вовсе не был катастрофическим тугодумом или бритоголовым дебилом из разряда «гоблин классический обыкновенный» – таких в службу безопасности бриллиантового короля Александра Войнаровского не брали. Просто до него не сразу дошло, как буквально на глазах переменялся монтер. Глаза «Кузьмы», до того обиженно опущенные к полу, теперь смотрели из-под козырька кепки весело, остро и холодно, а движения потеряли нарочитую

скованность, и охраннику почудилось, что перед ним другой человек, вовсе не тот, кого он так опрометчиво поименовал Кузьмой.

– Ладно... Где там у нас отвертка? Буду смотреть щиток, – добродушно сказал «Кузьма», почуввав перемену в сопровождающем его охраннике, и посмотрел на чемоданчик с инструментами, стоявший у ног Василия. – Сам, что ли, инструменты мне подавать будешь? Тогда дай отвертку, пора за дело браться...

Василий не спешил исполнять его просьбу. Он сначала вставил в «узи» новую обойму, очевидно, сочтя, что в старой осталось не так много патронов, и только потом порылся в сундуке, вытащил и протянул электрических дел мастеру отвертку, спросив:

– Эту?

– Да, подойдет, – отозвался тот. И задал вопрос, снова прозвучавший странно: – А что, Василий, зрение у тебя хорошее?

– Не жалуюсь, – угрюмо ответил охранник.

– А не видишь ли ты в таком случае мою почтенную матушку?

Василий озадаченно шмыгнул носом и сердито рявкнул:

– Ты работать будешь или пургу гнать, мать твою?

– Вот о ней-то и речь, – ничуть не смутившись грубой отповедью охранника, сказал монтер и взял из рук Василия отвертку. – О матушке достопочтенного Кузьмы. У тебя, видно, со зрением что-то не то, если ты ее не видишь. И вообще – ничего-то ты не видишь, Вася.

В Василии внезапно поднялась волна слепого, безотчетного гнева. И только когда он заглянул в холодные глаза «Кузьмы», то понял, что гнев замешан на страхе. Страх, не спросив позволения, не трогая защитных барьеров, просочился в его грудную клетку, как вода в утлый челн, и затопил.

Лицо Василия перекосилось, он начал поднимать вверх ствол «узи», повинувшись внезапному импульсу, пронизавшему его с головы до ног, но в то же самое мгновение – нет, в долю мгновения! – «монтер» выбросил вперед руку. Не ту, на которую смотрел Василий и в которой была зажата отвертка, а левую. И вонзил указательный палец в глаз Василия.

Это произошло столь молниеносно, что охранник, не без основания полагавший, что у него отличная и натренированная реакция, не успел даже дернуться. А уж тем более парировать удар. Дикая боль вошла в его голову вместе с этим, словно железным, пальцем «монтера». Василий разодрал рот, чтобы высвободить бешеный крик боли, но тут «Кузьма» ударил правой рукой. Снизу вверх, отверткой в нижнюю челюсть.

«Узи» выпал из рук охранника на бетонный пол, а сам он еще некоторое время стоял, окаменев от чудовищной боли, которую не могло вместить его огромное тело. В следующую секунду «монтер» выдернул свой палец из изуродованного глаза Василия, и секьюрити Войнаровского упал. Плашмя, всем телом.

А «монтер» посмотрел на свой окровавленный палец и, обращаясь к Василию, как будто тот еще мог его слышать, задумчиво произнес:

– Наверно, вот это и называется: показать кузькину мать. То бишь мать достопочтенного Кузьмы...

Потом он вытер руку о рубашку мертвого Василия, поправил кепку и направился к лестнице, по которой три минуты назад вошел в полуподвал.

* * *

Александр Емельянович Войнаровский пребывал в отвратительном настроении. Мало того, что он только что впервые за последние пять лет изменил жене, да еще сразу с двумя пустоголовыми девицами из модельного агентства, принадлежащего его компаньону. Конечно, Войнаровский знал, что фотомодель – это человеческий индивидуум женского полу, каприз-

ного, манерно-утонченного и показно-загадочного характера, с совершенным телом и с совершенным же... отсутствием мозгов. Но не до такой же степени!

Мало того, что он изменил жене, так эти сексуальные экзерсисы все равно не смогли прогнать недавно возникшее неприятное чувство тревоги. Вернее – тревожного ожидания чего-то...

Но, собственно, почему – чего-то? Ожидания визита Романа Лозовского, самого, наверно, влиятельного олигарха России на данный момент, в Тарасов. Александр Емельянович знал, что должен состояться не очень приятный разговор, который будет касаться, конечно же, нового статуса «Диаманта». Александр Емельянович понимал, что в последнее время он ходит по лезвию ножа. Что за то, чем он занимался в последнее время, в России в принципе убивают. Причем убивают показательно, для науки другим. Чтобы, так сказать, неповадно было...

Но тут его размышления были прерваны.

Девицы взяли его под руки и буквально поволокли в джакузи. Войнаровский не особенно сопротивлялся. Чего ему сопротивляться, не в СИЗО же волокут brave омовские ребята, а в джакузи две пьяненькие красотки, на которых из одежды, помимо волос на голове, больше ничего и нет. Ах да... у одной на ноге золотой браслетик поблескивает.

Войнаровский обозначил на лице широкую довольную улыбку и уже через несколько секунд бухнулся в тепловатую, словно обволакивающую воду. М-да... хорошо. А что, собственно, он так волнуется из-за визита новоиспеченного губернатора-олигарха? В конце концов, Роман Альбертович ему не кум, не сват и уж тем более не начальник. И денег Войнаровский ему не должен, как не должен их никому. Ему самому должны.

Александр Емельянович повернул голову и крикнул:

– Эй, Грибов, принеси-ка нам сюда шампанского пару бутылочек!

Красотки запищали и начали восторженно тискать гендиректора «Диаманта». Верно, мысль Войнаровского пришлась им по вкусу. Холодное шампанское в джакузи с миллионером – это же мечта каждой дуры, которая способна выговорить слово «джакузи» и может отличить шампанское от самогона-первача.

Через минуту охранник Грибов поставил возле нежащегося между двумя прелестницами босса ведро с двумя бутылками шампанского и три бокала. Александр Емельянович сам взял открывать: раскрутил сеточку, потом энергично встряхнул бутылку – и... пробка с грохотом вылетела, впечатавшись в потолок, а из горлышка хлынула пенящаяся струя.

Девушки завизжали.

Грибов передернул плечами и удалился.

Александр Емельянович сделался весел. Как же это раньше ему не пришла в голову такая простая и гениальная мысль: чтобы поднять настроение, надо выпить! И побольше!

Войнаровский редко пил что-либо, кроме чая и кофе. Но ведь и жене он изменял, можно сказать, раз в столетие. Так что если уж пускаться в смертный грех прелюбодеяния, так почему же не отяготить душу еще одним грехом – грехом пьянства? Который, кстати, куда более невинен, потому как в число смертных не входит.

Шампанское кончилось быстро. Фотомodelьные девушки, которые и до того трезвостью не страдали, еще больше захмелели и потребовали еще выпить.

– Нет, – решительно сказал Александр Емельянович, – хватит глотать французскую шипучку! Водочки надо выпить! По-нашему, по-русски...

– Во-о-одки! – визгливым петушиным фальцетом выкрикнула одна из девушек и полезла целоваться с Александром Емельяновичем, а вторая и вовсе водружилась на Войнаровского с ногами, и перед его глазами угрожающе качнулся ее довольно внушительный бюст.

Ну что ж, пришла в голову гендиректора мысль, с водкой-то можно и повременить.

Он потянул красотку на себя и тут увидел, что ее глаза, до того полубесмысленные и пьяненькие, устремленные куда-то через его плечо, приняли недоуменно-недовольное выражение: дескать, какого черта?

Войнаровский и сам услышал за спиной какое-то движение. Он хотел было повернуть голову и сказать, чтобы Грибов, кроме которого никто тут появиться не мог, убирался к чертовой матери и не входил без предварительного вызова. Но не успел.

– Водки выпить? – вдруг прозвучал за спиной тихий голос. – А не хочешь ли выпить коктейль... Знаешь, какой...

Александр Емельянович вздрогнул, начал поворачивать голову, но тут увидел, как черты сидящей на нем девушки исказились детским обвальным ужасом, а губы ее искривились беззвучным криком, и... на Войнаровского обрушилась тьма. Безболезненно, безвозвратно отсекались все звуки, перед глазами мелькнула багровая рябь, мгновенно соткавшаяся в плотную, как театральный занавес, пелену. Александр Емельянович успел ощутить в задней части шеи, у основания черепа, что-то холодное, но в следующую долю секунды этот холод словно взорвался и залил Войнаровского, как волна накрывает с головой незадачливого купальщика.

Девушка свалилась с Войнаровского в воду и подняла глаза на того, чей голос только что прозвучал. Вторая девушка, онемев от ужаса, упала на спину, повернув голову в сторону Александра Емельяновича и не отрывая глаз от его шеи, из которой торчало что-то прозрачное, продолговатое. Войнаровский запрокинулся на спину, и по прозрачному предмету, проникшему в его мозг, стекла маленькая струйка крови.

Убийца шагнул к глядящей на него девушке, опустился возле нее на корточки, положил руку на ее грудь и глянул прямо в глаза. Она вжалась затылком в край ванны, словно взгляд убийцы давил на нее, как многокилограммовый гнет, и тут ей показалось, что на нее смотрит не человек. Глаза мужчины были пусты и не одухотворены жизнью, как будто принадлежали мраморной или ледяной скульптуре. По крайней мере, девушке так почудилось.

Рука, лежавшая на ее обнаженной груди, была холодной, как лед.

– Вот и Юля так же лежала...

Девушка поняла, что этот мерный, хриловатый, негромкий голос, роняющий слова, как свеча роняет капли воска, принадлежит убийце. Больше никому.

И потеряла сознание.

Глава 1

Ночь как ночь. Звезды проступили на черном бархате неба, как зловеще блистающие кончики игл, пронизавшие ткань. В открытом окне выросстал полуобглоданный лик луны, казавшийся особенно четким в неожиданно холодном для июньской ночи воздухе. Яркий свет ночного светила сделал контрастными тени деревьев и домов, тяжело придавившие раскинувшуюся за оградой моего дома дорогу.

Окно было открыто, но спать не хотелось. Холодный ночной ветер струился в окно, дергал занавеску, обливал кожу и посылал по спине – туда-обратно, как руки неопытного массажиста, – упругие потоки мурашек.

В голову лезли всякие глупости. То сквозь приглушенный расстоянием собачий лай, дергающийся там, в пустом лунном пространстве ночи, продирался гул самолетных турбин, хотя никаких самолетов не было и быть не могло. То перед глазами вставала добродушная физиономия лабрадора с дикой кличкой Либерзон – пса, которого завели мои соседи. То в углах комнаты появлялись неясные фигуры недавно виденных мною, но уже умерших людей.

Бессонница была крайне редким явлением в моей жизни, но если уж приходила, то начинала бесчинствовать по полной программе. Она мучительно смыкала мои веки, но не давала успокоиться и отключиться мозгу, будила бредовые шумы, шепотки, всхлипы и гулы, которые бродили то ли внутри меня самой, то ли врывались извне – понять, угадать их источник и местонахождение не представлялось возможным. Как в калейдоскопе, сменялись картинки перед мысленным взором, то нечеткие, тусклые, как при замедленной съемке, то лихорадочные, яркие, разухабистые, как цыганская свадьба. Или как зарево зашедшегося в диком танце пожара, хохочущего, гудящего и свивающегося густыми, туго спеленутыми огненными клубами. Вот-вот. И сравнения подобны образам, рожденным бессонницей.

Нервы... Нервы, Юлия Сергеевна. Наверно, правы те, кто говорит, что нельзя долго состоять на такой нервной, ответственной и опасной работе, как у меня. Нельзя всю жизнь пить шампанское и есть острые блюда – настанет время для диетической минералочки и безвкусной фруктовой каши-размазни.

Но несмотря на бессонницу – явление редкое, просто от переутомления, – жаловаться на жизнь и, в частности, на работу у меня нет никакого резона.

Числась юрисконсультаром тарасовского губернатора, за это лето я еще ни разу не выполняла своих действительных обязанностей – обязанностей агента с кодовым именем Багира. Справедливости ради надо сказать, что лето только началось. Но все равно: были периоды времени, когда задания и наводки из Центра сыпались как из рога изобилия, и не было возможности даже отметить, то есть показаться на месте своей номинальной работы – в здании администрации Тарасовской области. Губернатор входил в мое положение, но все равно приходилось оформлять фиктивные отпуска, отгулы и все такое. Отчетность, знаете ли.

А сейчас случилось затишье. Надеюсь, не перед бурей. Я исправно посещала свое рабочее место, даже получила премию за какую-то удачно проведенную консультацию. Центр же и Гром – мой прямой и единственный начальник генерал Суров – упорно молчали. Значит, работы для меня не было никакой.

Вот с этого момента и начала посещать меня бессонница. Спокойная жизнь не давала моему организму того, к чему он давно и прочно привык, – выплеска адреналина. Ведь, по сути, острые ощущения – это химическая реакция, протекающая в мозгу и в той или иной степени затрагивающая весь организм. При нехватке того или иного ингредиента реакция не может идти нормальным путем, и привычное функционирование организма нарушается. Человеку, привыкшему к насыщенной работе, изобилующей острыми ощущениями, опасностями

и критическими ситуациями, не обойтись без них, как, например, альпинисту – без тяжести альпенштока в руке, без отвесной скалы перед глазами и ледяного ветра в спину.

В общем, все по принципу: «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал».

Я усмехнулась, вспомнив, как в народе, интересующемся политикой, исказили эту ставшую поговоркой цитату из Высоцкого в свете последней выборной президентской кампании в США: «лучше Гор могут быть только Буши». Ну конечно. В рафинированной Америке тепло-дендрариевый сладкоголосый Буш-джуниор – самое то для президента, а у нас бы он мигом загнулся, как тропическая пальма на Крайнем Севере.

Я перевернулась с боку на бок и наткнулась взглядом на настенные часы. Они показывали без десяти три ночи. Странно... Легла целую вечность тому назад, а еще даже трех нет! Неужели вся ночь будет вот так медленно и ущербно ковылять, как страус с перебитой ногой? Черт возьми, да тогда переждать ее будет посложнее, чем тот артобстрел прямой наводкой, под который мы попали в Боснии несколько лет назад.

Еще раз перевернувшись на другой бок, я закрыла глаза. Может, все-таки засну?

Но тут почему-то вспомнился сосед, Дима Кульков. Хозяин того самого лабрадора по кличке Либерзон. Господин Кульков как-то зашел в гости вместе со своей прекрасной половиной, моей тезкой Юлией, и принес бутылочку коньяка, которую мы распили за душевной беседой. Кульков был весел, рассказывал истории из жизни вперемешку с еврейскими анекдотами, потом заявил, что решил податься в шоу-бизнес и организовать собственную команду.

Я молча слушала его прекраснодушные удалые прожекты и изредка улыбалась. Под конец Кульков заявил, что российская большая музыка давно ждалась его, Димы, пришествия, и попросил под это дело у меня займы три тысячи рублей. Мне было предельно ясно, что означенная сумма предназначается отнюдь не на подъем российского музыкального искусства, но физиономия соседа была такой умильной, что я не удержалась и дала просимые деньги. Хотя сильно сомневалась, что когда-нибудь увижу их обратно.

Кульков растрогался и заявил, что я не могу идти ни в какое сравнение со всеми прочими его соседями.

– Жлобы еще те! – безапелляционно изрек он. – Как говорится, снега зимой не выпросишь и радиоактивных отходов в ядерную зиму не вывезешь. Уроды!

– Дима, ну что за выражения, – поспешно осадил меня моя тезка, его жена Юля.

– А, ну да... мр-р-м-м... – Это, по всей видимости, господин Кульков промурлыкал что-то из своего музыкального творчества. – Спасибо, Юля, – это он адресовал уже не жене, а мне, причем тут же добавил: – С первыми же деньгами отдам.

Я фактически была уверена, что у него не будет ни первых, ни последних денег, а если что-то и будет, то пойдет на «богоугодные» дела, как он именовал пирушки с друзьями, которые только тогда и были друзьями, когда у господина Кулькова водились деньги. Но я продолжала благосклонно слушать его излияния.

– Вот, Юля, давно хотел у тебя спросить... Ты такая красивая женщина, обеспеченная, покладистая, вообще в высшей степени замечательная... при деньгах, наконец... и почему-то живешь в таком чудесном доме одна!

– Ты что, хочешь продать мне свою собаку? – иронично спросила я.

– Да не... продать? А ты что, купишь? Мы ее за семьдесят тысяч баксов купили. Она, правда, уже подросла. Могу по-соседски отдать за...

– Дима, ну что такое? – опять недовольно одернула его жена.

Наверно, ей стало стыдно за вранья-мужа: собаку они купили не за семьдесят тысяч и уж тем более не за сто баксов. А за сумму, чуть большую тысячи рублей, о чем не далее как месяц назад распространялся сам господин Кульков.

Дмитрий покосился на благоверную и недовольно сменил тему.

– А, ну да. Я хотел сказать, что собака тут вовсе ни при чем. Просто мне кажется... – Кульков помолчал и после некоторой паузы выпалил: – Что тебе нужно выйти замуж.

Я улыбнулась.

– Вот ты о чем? Понятно. И что, у тебя есть конкретные предложения, в смысле кандидатуры?

– У меня-то нет, – при этих словах Кульков почему-то придал лицу значительное выражение и молодецки выкатил тощую грудь. – А вот у тебя самой разве не... Не подобрала? Ты же на такой работе, там мужиков...

– Дима!

Очередная ремарка супруги уже не могла поколебать жизненной линии несколько захмелевшего Дмитрия Евгеньевича: он твердо настроился наставить меня на путь истинный и не собирался отклоняться от своей миссии ни на йоту. И уж тем более разминивать ее, эту миссию, на всякие там перепалки с женой.

– Конечно, я понимаю, что у тебя на работе встречаются разнокалиберные индивидуумы под стать нашему обожаемому губернатору. Этакие бурдюки на ножках, краснощекие, пузатые, пыхтят и отдуваются... Как говорится, все щекасты-ы и носасты-ы – и поголовно педерасты-ы... – Кульков хмыкнул, и я подумала, что последняя фраза является цитатой из какого-то пасквильного стихотворного произведения. – Но я же видел, какие там еще встречаются. Или не там, а вообще... фигурально. Твои знакомые. Вот, например, не далее как позавчера я видел тебя с каким-то навороченным аванажным хлопцем. Вы выходили из ресторана «Барракуда». Такой беленький, под два метра...

Я улыбнулась, разговор забавлял меня. И я ответила Диме следующим замечательным образом:

– А, беленький, под два метра? Это питерский модельер, Лиманский. Не знаю, как там насчет щекастости и носастости, но на счет третьего знаю. Так что в мужья он мне явно не годится.

Кульков горестно всплеснул руками и едва не угодил по физиономии своей многострадальной жене:

– Ну надо же! А вот тот представительный мужчина, который как-то приезжал пару раз к тебе в гости на «Кадиллаке»? Такой... высокий и с родинкой на щеке. Он-то точно не педераст!

– А, этот... Поздно ты спохватился, Дима. Его застрелили в прошлом месяце в Красноярске. В командировку он туда ездил, и вот так случилось. Да и как-то не нравился он мне...

– Ой-е-о-о! – процедил Кульков. – Тяжела ты, шавка Мономаха... Стереомаха... да. Так, значит, у тебя никого и на примете нет? Ну нарочно не придумаешь! Такая роскошная женщина – и одна! Черт! Вот у меня есть одна знакомая, Катька Бурыгина... Так она мало что уже четвертый раз замужем, так ведь у двух мужей квартиры отжала и живет себе припеваючи. А четвертый муж – тот директор бани. Жирный, довольный. Не понимаю, как Катька мужиков затягивает, даром что сама тощая, кривоногая, подслеповатая, грудь где-то так минус второго размера. Да еще дурноватая она и готовить не умеет.

– Ты про Катьку лучше помолчал бы, – ядовито вставила жена Юля. – Не забыл, кто у нее первым муженьком-то был?

Кульков пошлепал губами и обиженно ответил:

– Ну и так что ж? Ошибка молодости. К тому же она не у меня квартиру отжала, у Витьки, второго мужа, и у этого, рыжего, который третий, а только машину. Всего-то «Запорожец» горбатый.

И Кульков довольно засмеялся коварным смехом...

* * *

Такая ерунда не вспомнилась бы мне никогда, не будь этой проклятой бессонницы. Во время бессонницы человек особенно беззащитен, будь он хоть трижды суперагент 007 и тому подобный сверхчеловек. Беззащитен... от самого себя.

А теперь матримониальные разговоры Димы всплыли в памяти потому, что я сама не раз задумывалась над коротким и отчаянным, как судорожный вздох утопающего, вопросом: а что же дальше? Тридцать лет – время, когда в жизни женщины уже должна появиться определенность. В моей жизни имелось все: деньги, престижная работа – даже две, если уж на то пошло! – шикарный дом плюс квартира в столице, и все прелести цивилизации, начиная от последней модели компьютера и кондиционера до джакузи и авто марки «Ягуар». И Интернет, и барокамеры с соляриями, и ночные клубы, и обширные знакомства. И перестрелки, и крутые повороты судьбы на грани и за гранью дозволенного. И друзья. Да и любовники бывали, не без этого. Не было только одного – той самой определенности.

Полушутливый-полусерьезный разговор с не совсем трезвым соседом дал свои всходы. Я подумала: а сколь долго может продолжаться то, чем я занимаюсь в данный момент? Ведь работа в суперзасекреченном Особом отделе ФСБ по борьбе с оргпреступностью – не сахар. Не в том смысле, что она тяжела и опасна, – это само собой разумеется. Как говорится, по определению. Самое печальное – то, что большинство сотрудников отдела из-за работы не видит никакой личной жизни. Включая шефа отдела, Андрея Леонидовича Сурова, который не только не имеет семьи, но даже никогда не был женат. Не было времени.

– Всю жизнь я безобразно опаздывал в личной жизни, – сказал он мне в одну из тех редких минут, когда общался со мной не как шеф с подчиненной, а скорее как отец с дочерью. – А теперь уже поздно наверстывать. Это все равно что оборвать ниточку и упустить бумажного змея, а потом пытаться поймать его руками прямо с земли.

– Андрей Леонидович, но ведь вы еще молодой и очень даже представительный мужчина... – запротестовала я.

Гром пригладил седые виски, нахмурился и только потом отрывисто ответил:

– Нет, Юля. Это уже не то. Теперь моя жизнь – работа, и только она.

Сейчас, лежа на спине и глядя в потолок, я впервые с такой безжалостной обнаженностью и ясностью осознала, что могу повторить судьбу моего босса. Нет, не то чтобы вокруг меня не было достойных мужчин. Они были, и более чем достаточно. И я сделана не из стали, а такая же живая, из плоти и крови, как любая русская женщина. Случались и хорошие знакомства, и мимолетные влюбленности, и романы, ничуть, впрочем, не помешавшие мне работать.

Но все это – как-то понарошку.

Чтобы возникло что-то серьезное – нужно обоюдное доверие. А какое может быть доверие, если с самого начала из-за рода моей деятельности придется постоянно изворачиваться и лгать, потому что ни в коем случае и никому не имею я права открывать своего истинного лица. Разве что только выйти замуж за своего коллегу... Но тогда работа подменит семью, а семья станет жалким придатком работы.

Я действительно часто чувствовала себя одинокой. Пример того же хрестоматийного Штирлица, казавшийся мне глупым, надуманным и неуместным, тем не менее был очень нагляден: четверть века провел он без семьи и без родных людей в чужой, враждебной, жестокой стране. Я же жила в своей стране, но те, с кем мне приходилось контактировать по роду занятий, были ничем не лучше германских нелюдей из СС: отморозки, изменники родины, продажные политики и финансисты, делающие свой бизнес на костях, слезах и крови. Мне приходилось вживаться в их среду, уподобляться, мимикрировать, выполняя очередное задание

Грома. И мне начало казаться, что фрагменты чужой, сыгранной сущности намертво пристали ко мне, срослись со мной и теперь...

Впрочем, глупости все это! Начала сентиментальными раздумьями о своей горькой бабьей доле, а закончила совсем уж за упокой. Не-е-ет! Это провокаторша-бессонница делает меня безвольной и слабой и заставляет мазохистски углубляться в напластования собственных полубессознательных сомнений и страхов. К черту!

Я решительно поднялась с постели-«аэродрома» и, подойдя к бару, вынула оттуда бутылку коньяку. Сосед Дима Кульков советовал мне пропускать по сто пятьдесят граммов в случае, если не смогу долго уснуть. И, хотя я знала, что алкоголь скорее всего окажет на меня возбуждающее действие, решительно налила себе полный бокал и опрокинула в рот. Не так, как положено пить коньяк, то есть понемногу, смакуя, а чисто по-русски, так, как глушат водку.

Нет, все равно не спится. Я прошлась по спальне туда-обратно, а потом натянула джинсы, курточку и кроссовки на босу ногу и запрыгнула на подоконник. Выдохнула и сиганула из окна в сад, прямо со второго этажа... Мне не привыкать!

Пойду покатаюсь по окрестностям на моей любимой «Хонде». Мотоцикл спортивной модели, между прочим, а не какая-нибудь трескучая малолитражка. Может быть, скорость поспособствует умиротворению нервной системы?

Вот что делает бессонница даже со спецagентами...

* * *

Домой я вернулась под утро. Рассвет полз по дороге серыми хлопьями тающего полумрака, притихший и задремавший в росной траве ветер не имел сил рвануть свежий полог неподвижного воздуха. Рассвет полз, а вслед за рассветом вдоль дороги полз полусонный и растрепанный Дима Кульков. Он прогуливал пса Либерзона. Точнее, пес Либерзон прогуливал своего еще не проснувшегося и явно похмельного хозяина – он волок Диму по дороге, и Кульков с трудом удерживал дергающийся в руке поводок.

Я остановила мотоцикл возле него и весело спросила:

– Что, Дмитрий Евгеньич, тяжелая жизнь настала?

– Да вот с этой скотиной гулять приходится... – проворчал тот. – А у меня вчера, как назло, у одного знакомого день рождения был.

– У которого? У Гены? Так у него ж на прошлой неделе был!

Кульков выпрямился и сделал обиженное лицо: дескать, ты что, за алкоголика меня считаешь, что ли? Потом поскреб в нечесаной курчавой голове и ответил с расстановочкой:

– Ну и что ж, что на прошлой неделе? У его матери тяжелые роды были, когда она Гену рожала. Вот мы и почтили ее... труды. Вот так.

Я захохотала и махнула на Диму рукой.

– А у тебя сегодня выходной, да? – спросил он. – Приходи к нам часа в три. У Юлькиного брата день рождения. Правда, она отмечать не хочет, а сам брат где-то в Калининграде живет. Но день рожденья, как говорится, праздник детства, и, что самое существенное, – никуда от него не деться!

– Это понятно, – сказала я. – Ну, быть может, загляну.

– Заглядывай, – откликнулся он. – Можешь приходить не одна, а с кем-нибудь. Мужеского полу. Ага. А то одной ходить по гостям – это не дело.

– До скорого, Димитрий Евгеньич, – вяло отозвалась я, никак не реагируя на инструктаж Кулькова.

Придя домой, я тут же почувствовала необоримую сонливость. После свежести утра теплый, неподвижный воздух в моем доме подействовал как снотворное. Я даже не стала подни-

маться в спальню, а упала на диванчик в холле и провалилась в приятно засасывающий, утомленно-сладкий сон.

Проснулась я от трелей телефона. Аппарат стоял неподалеку от меня, на низком стеклянном столике, и потому исходящие от него назойливые звуки били прямо в уши.

Я потянулась, не открывая глаза, перевернулась на спину и, закинув руку за голову, попыталась нашарить проклятый телефон. Видимо, дремота крепко цеплялась за меня и не желала уходить, потому что трубка упорно не находилась. Пришлось открывать глаза и подниматься.

Проделав эту мучительную операцию, я тут же наткнулась взглядом на экран электронных часов. На нем стояло: 13:48. Ого, наверняка это названивает Кульков, который обычно начинает семейные торжества на час или на полтора раньше оговоренного срока. Видимо, опять, как говорится, не вынесла душа поэта.

Я дотянулась наконец до трубки и произнесла:

– Да, слушаю.

– Юлия Сергеевна?

– Да.

– Юля, я понимаю, что сегодня воскресенье и вы вправе отдыхать, но все же я хотел бы просить вас немедленно приехать в администрацию. Срочно.

Вся дремота немедленно слетела с меня, как одуванчиковый пух под порывом ветра. Еще бы – звонил лично губернатор Тарасовской области. За год, истекший со времени приобретения мною нового статуса, такое случалось раза два или три, но никогда еще у губернатора не было подобного голоса и выражений: «срочно», «немедленно»... и вообще.

Судя по всему, я была нужна губернатору не как юрисконсульт Юлия Сергеевна Максимова, а скорее как спецгент Особого отдела ФСБ Багира.

– Да, я все поняла. Выезжаю, – четко ответила я и положила трубку.

Что-то явно случилось, и случилось что-то серьезное, если губернатор без согласования с Громом вызывал меня в администрацию. Может, имеет смысл позвонить Андрею Леонидовичу в Москву? Нет, не стоит. Гром не приветствовал, когда ему звонили без определенной цели. Да и что я скажу ему сейчас? Что мне позвонил губернатор, по-видимому, чем-то обеспокоенный?

Я еще раз глянула на часы и направилась в глубь дома – переодеваться и приводить себя в порядок.

Глава 2

Я остановила свой «Ягуар» у высоченной бронзовой ограды, увенчанной фигурными навершиями с остриями в виде наконечников стрел. Молчаливый верзила ткнулся в мое удостоверение личного юрисконсульта губернатора и распахнул створку ворот, давая проезд в просторный двор здания областной администрации, в котором стояли дорогие иномарки с разнокалиберными маячками и важными правительственными номерами.

В коридоре меня встретил один из руководителей службы безопасности губернатора, Олег Иванович Коростылев, и, поздоровавшись, сказал:

– Он ждет вас в вашем кабинете.

– Губернатор?

– Да. Он специально перешел туда, потому что в его собственном рабочем кабинете телефон трезвонит каждые тридцать секунд, а это его сильно раздражает.

– А что такое случилось, Олег Иванович?

– Не знаю. Он сам вам все скажет. По всей видимости, ему срочно нужен разговор с глазу на глаз.

– Это я и сама понимаю.

– А ничего больше я и сказать-то не могу. Только одно: на нем лица нет. Мрачный, как туча.

Губернатор, в самом деле до чрезвычайности мрачный, сидел за моим рабочим столом. И как он только там угнездился, ведь пространство между креслом и крышкой стола рассчитано на мою стройную фигуру и тонкую талию, а не на его столь монументальный корпус, что о талии нельзя было помыслить даже в теории.

– Добрый день, Дмитрий Филиппович, – произнесла я.

Он вскинул на меня глаза. Не услышал, как я вошла. Оно и понятно – за годы работы в спецслужбах я научилась почти все делать совершенно бесшумно. И уж, во всяком случае, ходить и открывать дверь.

– Юля? Заходите, – произнес он. – А я вот переселился в ваш кабинет. Ничего?

И, не дожидаясь ответа на свой вопрос, в общем-то носивший риторический характер, губернатор продолжил в том же духе:

– Думаю, что, побеспокоив вас, нарушил какие-то ваши планы, так?

Эта преувеличенная вежливость со стороны человека, который в обращении с подчиненными отличался напористостью и прямолинейностью, порой доходящими до агрессии, откровенно не понравилась мне. Не потому, что я не симпатизировала первому лицу губернии – в своем роде он даже нравился мне, – а просто потому, что Дмитрий Филиппович вел себя не так, как всегда, и причина такой резкой смены манеры поведения должна быть очень серьезна.

– Какое это имеет значение? – ответила я. – В конце концов, планами можно и пренебречь. Вы ведь тоже говорили, что в воскресенье работать не любите.

– Ну да, – произнес он задумчиво, – ладно, – и тут же перешел на более деловой тон: – Вы еще ничего не слышали?

– А что я должна была слышать?

Он склонил массивную лобастую голову направо и, чуть прищурившись, проговорил:

– Я о Войнаровском. Не слышали?

– О Войнаровском? А что такое с Войнаровским?

– Он убит вчера вечером в своем загородном доме. Кроме него, убиты двое его охранников, а третий находится в больнице в тяжелом состоянии. На даче Войнаровского было еще несколько человек, но все они ничего не видели и не слышали. Кроме двух девушек, которые

утверждают, что видели некоего мужчину в кепке. Точнее – в бейсболке. Впрочем, доверять словам этих девушек особо не стоит, как сказал мне Платонов.

Генерал-майор Юрий Леонардович Платонов был руководителем Тарасовского управления ФСБ и членом Совета безопасности области. Он один в Тарасове, помимо губернатора области, знал, что я – вовсе не юрисконсульт, а глубоко законспирированный агент госбезопасности.

Я помолчала в задумчивости. Конечно, убит директор одного из крупнейших предприятий области, но чтобы дело попало на заметку лично губернатору и чтобы он так из-за этого трясся... Тут пока что мне не все ясно.

– Войнаровский застрелен?

– В том-то и дело, что нет. У него в шее огромная рваная рана, а чем ее нанесли – непонятно. Один охранник лежал просто... М-м-м... а-а, черт побери! – губернатор снял трубку и приказал: – Платонова ко мне в кабинет... То есть не ко мне, а в восемнадцатый кабинет. Да, в кабинет юрисконсульта. Поживее там!

Губернатор повернулся ко мне и проговорил:

– В общем, положение прескверное. Я сам до конца не понял, чем все это грозит и мне, и вам, и всем нам. Какая-то гнида совершенно мастерски подставила меня. И ведь знали, куда больнее ударить! А я так рассчитывал, что не придется перекраивать бюджет области...

Все эти слова пока что были непонятны мне, а Дмитрий Филиппович, судя по всему, и не спешил вводить меня в курс дела, предпочитая дожидаться прибытия Платонова.

Тот не заставил себя долго ждать. Судя по тому, что генерал пришел буквально через пять минут после вызова, он явно находился где-то поблизости, в здании администрации.

Платонов был высокий, подтянутый, сухощавый мужчина средних лет. Несмотря на то, что по его лицу пролегло много глубоких морщин, глаза глубоко запали, тонкие губы были сурово и чуть брезгливо поджаты, так что ему куда больше пошел бы капюшон аскетичного монаха-инквизитора, а не фуражка генерала госбезопасности, несмотря на все это, выглядел он довольно молодо. Свою роль играло и то, что в волосах Платонова не было и намек на седину.

Он сухо кивнул только мне. С губернатором, по всей видимости, Платонов сегодня уже виделся.

– Ну что там нового, Юрий Леонардович? – спросил губернатор, бросив на главу госбезопасности области пристальный взгляд из-под полуопущенных век и колыхнув расплывшимся подбородком.

Да, кажется, Дмитрия Филипповича действительно проняло это убийство, хотя никаких нежных чувств к Войнаровскому он никогда не питал и, напротив, часто говорил о нем раздраженно и вызывающим тоном. А недавно и вовсе заявил, выступая в телевизионной программе, что собирается плотно заняться Войнаровским и его комбинатом и разобраться, откуда у Александра Емельяновича появились в обороте такие деньги.

– Пока ничего. Игорь Дмитриевич сказал, что знать не знает, откуда у него этот пистолет, что он его первый раз видит и вообще ничего не понимает.

Как мне показалось, в глубоко посаженных глазах генерала при последних словах промелькнула мрачная усмешка.

– Еще бы! – с трудом пробурчал губернатор и попытался было подняться из-за стола, но не смог. Он запыхтел, обмахнул платочком потное красное лицо, а потом выговорил в сердцах: – Вот сыночка-то я выродил, а? Что он вообще понимать может, если у него весь последний месяц шарики за ролики заходят?

Вот это я понять могла: ходили слухи, что сын губернатора – а речь шла именно о нем – плотно подсел на кокаин и крэк и давно уже психически неадекватен. Слухи слухами, но я проверяла – для себя, чтобы, что называется, быть в курсе, – и выяснила: в этих слухах немало истинного.

– Экспертиза подтвердила, что пистолет-пулемет «узи», обнаруженный в одной из комнат дачи Игоря Дмитриевича, оформлен на имя Афонина Василия Викторовича, охранника Войнаровского. Афонин был убит вчера вечером, – Платонов выразительно посмотрел на меня, и я поняла, что информация об убитом Афонине адресовалась именно мне. – Из этого пистолета-пулемета застрелен Николай Кравцов, еще один охранник Войнаровского.

И Платонов, посмотрев на губернатора, присел на диванчик и начал четко, сухо излагать то, что произошло прошлым вечером в загородном доме Войнаровского и имело продолжение ночью и утром.

* * *

Игорь, сын тарасовского губернатора, был личностью скандальной и широко известной даже в Москве. К тому располагала биография. Игорь работал в спецслужбах, кажется, в спецназе ГРУ, потом уволился по состоянию здоровья в звании капитана. Пытался жить на широкую ногу в Москве, организовал свое охранное агентство, купил ресторан, завел обширные знакомства не только благодаря папе, который тогда был вторым секретарем Тарасовского обкома, но и по причине собственной общительности и того качества характера, которое в народе живописалось грубоватой, но исчерпывающей поговоркой: «без мыла в задницу влезет».

Потом предприятие Игоря вылетело в трубу, и не в последнюю очередь вследствие его собственной безалаберности и широкой натуры. К тому же у Игоря Дмитриевича обнаружилась склонность к употреблению наркотиков, которая отнюдь не мешала его другой, старой привычке – к алкоголю.

После полного провала «московского отделения концессии», как сказал бы незабвенный Остап Бендер, Игорь вернулся в Тарасов под крыло родимого батюшки, который к тому времени успел стать губернатором и теперь процветал и старательно наращивал финансовые активы и пласты подкожного жира. Здесь дела сыночка пошли лучше: Игорь стал одним из учредителей строительной конторы с пышным и претенциозным наименованием «Ренессанс-98». Цифры в названии – это, понятное дело, год основания предприятия.

Игорь и тут разорился бы и потянул на дно своих компаньонов, если бы не могучая рука Дмитрия Филипповича, цепко державшая непутевого отпрыска за шкуру и не дававшая ему окончательно опуститься на социальное дно.

Деятельность Игоря в «Ренессансе» вскоре свелась к тому, что он получал там зарплату, появляясь в офисе приблизительно два раза в месяц. Его компаньоны терпели «цесаревича», потому как имели устойчивые льготы в налогообложении и привилегии в получении строительных заказов. Проще говоря, налогов они не платили вовсе, зато их хорошо прикармливали из областной казны за то, что они возводили пропилеи для государственных мужей и отделяли квартирки их женам и любовницам. А также в свободное от основной работы время строили очередную элитную сауну или спорткомплекс.

И вот этот Игорь Дмитриевич, милейший человек и замечательный гражданин, пьянствовал в вечер убийства Войнаровского на своей даче в элитном поселке Гусево-2. Нет надобности говорить, что не так далеко от пропилеев губернаторского отпрыска располагался дом Александра Емельяновича Войнаровского, гендиректора «Диаманта-DB».

Игорь Дмитриевич был известен своей любовью к упомянутому директору. Это выражалось тем, что не реже чем раз в неделю Игорь Дмитриевич на очередной пьянке во всеуслышание обещал собственноручно «распороть жирррное брюхо этого плешивого козла Вой-на... вввойна...наро... в общем, па-анятно».

Все в самом деле было понятно. В том числе и газетчикам, которые считали своим долгом публиковать скандальные откровения Игоря Дмитриевича на первых и последних, наиболее читаемых, полосах областных газет. И сопровождать их замечательными комментариями

типа: «Конечно, сын губернатора чисто теоретически может реализовать свои угрозы. Ведь не секрет, что он служил в спецчастях внешней разведки и воевал в ряде „горячих точек“. Так что чисто теоретически Игорь Дмитриевич вполне в состоянии справиться и с Войнаровским, и с парой охранников последнего...»

Красноречие газетчиков пару раз приводило к неприятностям.

Так, не далее как на позапрошлой неделе Игорь заявился в редакцию газеты «Столица Поволжья» с бейсбольной битой и собственноручно разбил в ошметки компьютер руководителя отдела информации, откуда, по его мнению, и исходили все возмутительные инсинуации и клеветнические наветы злопыхателей. Не удовлетворившись содеянным, он обложил матом весь отдел, разбил нос секретарю, а потом зашел в помещение компьютерной верстки, где отмечали день рождения одного из работников, схватил со стола недопитую бутылку водки, показательно выпил ее из горлышка, разбил об стену и был таков.

Подобным образом Игорь Дмитриевич вел себя и в других присутственных местах. Чем, разумеется, не снискал ни народной, ни чьей-либо еще любви.

Игоря Дмитриевича любили только в одном месте: в модельном агентстве «Каллисто», где работало большинство его бывших и нынешних любовниц. С девушками из этого агентства, а также с их шефом, господином Гапоненковым, сын губернатора преимущественно и коротал досуг. А так как досуг составлял львиную часть жизнедеятельности Игоря, то экс-спецназовец и нынешний воротила строительного бизнеса был практически неразлучен с моделями и их боссом. Он присутствовал на показах, съемках и презентациях, пристраивал девушек в Москву и Питер, где у него осталось немало знакомых, обеспечивал теплые местечки при папе-губернаторе и его подчиненных, тоже людей, богом, властью и финансами не обиженных.

Вот с этими-то девочками Игорь Дмитриевич и бухал вчера на своей даче. Причем уже третий день, благо у него был какой-то совершенно замечательный повод, который никто уже и не помнил. Охранники Войнаровского – те, кто уцелел после беспощадной расправы, учиненной неизвестным, явившимся под видом электромонтера, – утверждали, что даже до виллы их хозяина доносились крики что-то праздновавших гостей губернаторского сыночка.

К вечеру третьего, то есть вчерашнего, дня гулянка пошла на убыль. Игорь Дмитриевич утихомирился и принялся блуждать по окрестностям, упражняясь в стрельбе по птицам из своего пневматического пистолета. По крайней мере, так утверждает сейчас он сам. Но все знали, что сыну губернского главы можно и не доверять: он страдал провалами памяти, во время которых становился особо буен. Причем в эти моменты он выглядел особенно трезвым и был страшно силен и агрессивен, потому собутельники предпочитали не попадаться ему на глаза.

Вот у этого-то добропорядочного и законопослушного гражданина Российской Федерации и обнаружили пистолет-пулемет «узи», из которого был застрелен один из охранников Войнаровского. Чем был убит сам Войнаровский, никто не понял. Второй его охранник убит отверткой, кроме того, у него выколот левый глаз. Третий охранник, так называемый «прикрепленный», то есть личный телохранитель Войнаровского, Грибов, лежал сейчас в больнице в бессознательном состоянии – с серьезной черепно-мозговой травмой и сломанным носом. Повидимому, его просто-напросто шарахнули головой об стену. На ней имелось кровавое пятно, подтверждающее эту гипотезу.

Быть может, шофер и садовник Войнаровского, которые, собственно, и нашли оружие на даче Игоря, никогда бы не сунулись туда, если бы не черная кепка на заборе Игорева дачи. Черная бейсболка с надписью «Reebok», которая, как прекрасно помнил шофер, хоть и обдолбанный кокаином, была на монтере. Красовалась она на заборе, как нарочно, словно ее вывесили как опознавательный знак.

Увидев кепку, шофер и садовник ринулись в дачу Игоря. Они обнаружили там совершенно невменяемую компанию и самого хозяина, который развлекался тем, что бил кулаками

посуду и стекла. Он весь был перемазан кровью, сочившейся из порезов на руках, и при появлении людей Войнаровского кинулся на них с перекошенной физиономией и с диким криком:

– А-а-а, падлы, забы-ы-ы-ыли!!

Чего уж там кто забыл, осталось неизвестным, но парни, не без труда вдвоем справившись с впавшим в буйство хозяином, тут же наткнулись на пистолет-автомат «узи». И немедленно вызвали подмогу.

* * *

– Это совершенная глупость, – говорил губернатор с такой горячностью, какой я раньше за ним не замечала. – Это совершеннейшая, полнейшая глупость – думать, что Игорь мог в невменяемом состоянии пойти на дачу Войнаровского и перебить всю его охрану, а потом убить и самого Александра Емельяновича! Это же чистой воды фикция!

– Но, согласитесь, Дмитрий Филиппович, – осторожно вставил Платонов, – отпечатки пальцев Игоря на том самом пистолете-автомате, из которого застрелили охранника Войнаровского, – не фикция, а вещь вполне реальная. Более того, это прямая и бесспорная улика.

– Улика?! – завопил губернатор. – Значит, вы тоже верите в виновность моего сына, да? Верите в то, что он так запросто мог завалить трех здоровенных бугаев, а потом убить Войнаровского и уйти никем не задержанным? Да он и в нормальном-то виде на такое не способен, не то что в нетрезвом! Он же не Арнольд Шварценеггер какой-нибудь там, не «Терминатор», в самом-то деле! Да, он служил в спецназе, но это же не повод, чтобы вот так вот...

Не закончив фразу, губернатор огладил ладонями заходивший круглый живот, немного утихомирился и продолжал уже тихим, задуманным голосом:

– Я прекрасно понимаю, что пистолет с отпечатками, подтвержденными экспертизой, – улика. Но ведь это же подстава! Неужели вы не видите? Да, Игорь не любил Войнаровского. У них были конфликты еще по работе, когда фирма Игоря получила заказ на строительство одного из корпусов «Диаманта», а Войнаровский отказался от услуг «Ренессанса». Игорь тогда чуть не подрался с ним. Но... все это глупо, понимаете – глупо. Да и как оказался пистолет-автомат охранника... как его... Николая... у Игоря? Ведь он был у того, у кого ему и положено быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.